А.Л.НИКИТИН

ПЕРВЫЙ РЮРИК И "ВАРЯЖСКАЯ ЛЕГЕНДА"

Официальные истории государств древности, как правило, начинались с мифов об основателях. Русская история не была исключением. Ее изложение в "Повести временных лет" (далее - ПВЛ), приписываемой преподобному Нестору, начинается сообщением о призвании новгородцами "варягов" во главе с Рюриком, родоначальником династии "рюриковичей". Реальность события и личность первого русского князя вызывали сомнение у многих поколений историков. Столь же затруднительно оказалось решение связанной с легендой так называемой "норманской проблемы", породившей обширную литературу и бесконечные споры. Поскольку в данной работе речь пойдет только о новом подходе к определению личности Рюрика и возникновении династического предания, я отказываюсь от историографического обзора вопроса, отсылая интересующихся к последним по времени итоговым работам. [I]

Как и прежде, единственным источником "варяжской легенды" о призвании первого русского князя служит текст ПВЛ под 6370 (862) годом, где сообщается об изгнании варягов за море восставшими словенами, кривичами, чудью и весью, о последовавшей затем межплеменной усобице, которая привела их к мысли "найти князя, который бы владел нами и судил по закону". Для этого послы отправились "за море к варягам - к руси. Звались те варяги "русь", как другие (варяги) зовутся "шведы", иные - "норманы" и "англы", другие - "готы"..." Пойти на княжение согласился Рюрик с двумя братьями, Синеусом и Трувором, которые взяли с собой всю "русь". "И от тех варягов стала земля называться "русской". Новгородцы - это новгородские жители варяжского происхождения, а прежде они были славянами..." Далее сообщается, что "через два года" оба брата Рюрика скончались и он начал править единолично и "раздавать своим мужам города". Скончался Рюрик в 6387 (879) году, оставив малолетнего сына Игоря, воспитание которого поручил своему родственнику Олегу. Ни тот, ни другой в Новгороде не остались. Собрав войско, они спустились вниз по Днепру, где захватили Киев, сделав его столицей древнерусского государства.

Краткое, казалось бы исчерпывающее свидетельство первого русского историка порождает множество недоуменных вопросов.

Кто такие "варяги"? Из-за какого моря они пришли? Кем был Рюрик и был ли он, поскольку в хрониках сопредельных народов никакого упоминания об этом событии и никаких следов пребывания в том же Новгороде на Волхове "основателя династии Рюриковичей" не найдено. Более того: после ухода Олега с Игорем, Новгород почти на семьдесят лет лет исчезает не только со страниц летописи, но, что гораздо существеннее, из списка русских городов, упоминаемых в последующих договорах руси с греками. Кроме того, известно, что имя действительного основателя династии всегда пользовалось особенным вниманием его потомков. Здесь же мы сталкиваемся с поразительным фактом: впервые имя "Рюрик" всплывает почти через двести лет в семье князей тьмутороканских (Рюрик Ростиславич, князь перемышльский; в ПВЛ его смерть показана под 6600 (1092) годом), но даже и потом не пользуется особой популярностью.[2]

Вряд ли это случайность. Еще в первой половине того же XI века киевский митрополит Иларион в своем сочинении "Слово о законе и благодати", излагая похвалу русскому князю Владимиру, который должен был приходиться первому Рюрику правнуком, называет основателем династии не его, а Игоря "Старого".[3] Что же касается исторических сочинений, с летописью прямо не связанных, то Рюрика впервые называет "Задонщина" - поэтическое повествование о Куликовской битве, созданное во второй половине ХУ века по образцу "Слова о полку Игореве" и с использованием его текста,[4] но совершенно произвольно излагающее историческую действительность, а затем, уже с развернутым "генеалогическим древом" - "Послание" митрополита Спиридона-Саввы, написанное между 1506 и 1523 годами.[5]

Строго говоря, о личности Рюрика ничего не известно. В различных редакциях ПВЛ существует две версии его прихода. Если в Лаврентьевском, Троицком и Новгородской Первой списках летописей мы читаем, что Рюрик со своими братьями пришел "к чуди, веси, кривичам и словенам" и сел в Новгороде, то в других, более исправных списках - Ипатьевском, Летописце Переяславля-Суздальского и Радзивиловском - оказывается, что Рюрик пришел только "к словенам", в земле которых поставил город Ладогу. Последнее обстоятельство - упоминание в сказании о Рюрике только "словен" в связи с "Новгородом", как и в легенде о "хождении" апостола Андрея, - невольно вызывает сомнение в его туземных

8*-1530

истоках, заставляя предполагать очередное заимствование сюжета и его последующую переработку применительно к местным условиям.[6]

Еще более трудным препятствием для исследователей стало определение "варягов-руси", которые в свою очередь оказываются не только предками "современных новгородцев", но и потомками "словен",[7] что прямо подрывает убежденность сторонников "норманской теории" о безусловно скандинавском происхождении Рюрика и его "варягов". Сформулированная два с половиной века назад и тогда же вызвавшая к жизни своих противников, "норманская теория" возникновения Русского государства утверждала, что 1) Рюрик и его "варяги-русь" являются скандинавами, 2) скандинавы принесли в Россию законы, государственное устройство и само название "Русь", 3) скандинавы положили начало русской княжеской династии и русской аристократии. В настоящее время наиболее ярые норманисты отказались лишь от второго тезиса, тогда как умеренные согласились признать, что, скорее всего, и самого Рюрика не было, а варяги-скандинавы, будучи широко представлены в первые два столетия Русского государства в правительственном аппарате, среди войска и купечества, сыграли весьма незначительную роль в его историческом развитии.

Таким образом, если вторые ставят под сомнение существование Рюрика, т.е. адекватность летописного рассказа, то первые при всей своей категоричности не могут решить вопрос о происхождении Рюрика и его "варягов" с точки зрения этнической и исторической географии. Последнее, как известно, осложняется тем, что, как некогда заметил с иронией С.А.Гедеонов, имя "Рюрик" столь же странно для шведского или норвежского конунга, как для русского князя имя "Казимир" или "Прибыслав".[8] И, действительно, в северных сагах имя "Рюрик" ("Рорик", "Ререк") оказывается еще более редким, чем в русской летописи. Что же касается "варягов", то их появление в письменных источниках чрезвычайно симптоматично.

Для южнорусского летописания в целом, а если более точно, то для ПВЛ, последнее упоминание о "варягах" связано с рассказом о наемниках Ярослава I Владимировича под 1034 г. До этого "варяги" упоминаются в расселении племен, в легенде об апостоле Андрее ("путь из варяг в греки"), среди подручных Олега, в "сказании о грамоте словенской", где прямо повторяется пассаж из легенды о "призвании" ("А словенескъ языкъ и рускый один;

от варягъ бо прозвашася русью, а первее беша словене"), при Игоре и Владимире. Любопытно отметить, что "варяги" не упоминаются в цикле известий о княжении Ольги и Святослава. Затем их широко использует Ярослав Владимирович, после чего они окончательно исчезают со страниц южнорусских летописей, не считая одного или двух случаев явно стилистического анахронизма.

Не так обстоит дело в Новгороде. Новгородские летописи отмечают "Варяжскую улицу",[9] а сами "варяги" за пределами ПВЛ упоминаются дважды: в II88 г., когда "на Гътех" (т.е. на Готланде) "варяги" побивают новгородцев, после чего Новгород не пустил ни одного своего "мужа" за море,[10] и в I20I г., когда осенью дали "варягам" просимый им "мир".[11] Кроме того, под II5I (6660), II8I (6689), I2I7 (6725) и I3II (6819) годами упоминаются большие пожары в Новгороде,[12] когда "в варяжьской божнице" на Торгу [13] сгорает "товаръ весь варяжьский, безъ числа".[14]

Складывается следующая картина. Первоначально с Рюриком приходят "варяги" из какого-то "племени русь", которые раньше называли себя "словенами", причем они безусловно отличаются от шведов, англов, норвежцев и готов (гаутов). Это отличие прослеживается на протяжении всей ПВЛ, где неизменно подчеркивается, что "варяги" - это "русь", или что "язык русский и словенский один и тот же", чего никак нельзя было сказать о скандинавах. Затем "варяги" как бы исчезают и снова возникают в Новгороде с середины XII века, дав свое имя Балтийскому морю (море "Варяжское" или "Варецкое") и, как видно, заслонив собою "словен". Комплекс этих сведений довольно полно представлен в работах А.Г.Кузьмина, посвященных этой проблеме.[15]

Что же может означать термин "варяги" и кому он принадлежал?

Наиболее полный обзор источников, приведенный С.А.Гедеоновым,[16] а затем в отношении источников византийских дополненный В.Г.Васильевским,[17] приводит к поразительному заключению: впервые термин "варанг" упомянут у византийца Кедрена в том же I034 г., что и последний раз в ПВЛ, и лишь не намного ранее появляется у ал-Бируни и в исландских сагах. Так первый исландец Колскегг поступает в "варанги" (т.е. в императорскую гвардию) в Константинополе в I0I7 г., а первый скандинав, Болле

Боллесон - в 1027 г., причем греческие источники как бы подчеркивают, что до появления в Византии скандинавов, исландцев и "кельтов с острова Туле", исконными "варангами" были "росы" или "тавроскифы", подтверждением чему служат возникавшие между германоязычными пришельцами и "росами" стычки на политической основе.

Сопоставляя факты и подчеркивая, что "слово варяг... известно на Руси уже в IX столетии, т.е. за 150 слишком годов до первого помина о варягах у скандинавов, арабов и греков",[18] историки заключали, что оно было заимствовано скандинавами от "русских" через греков, а русскими было воспринято из древне-верхне-германского языка, где означало "меч" ("варанг"), перешедшее в вендско-русское "варянг" через юс. По Гедеонову, это слово стало нарицательным для западных славян так же, как "викинг" (т.е. человек, ушедший в поход) для скандинавов, причем подтверждение этому он находил в использовании слова "варяг" в позднейшее время и в сохранении за ним в архангельском говоре значения "заморского человека" (иноземца) или вообще "заморской стороны".[19]

Вместе с тем, при всей убедительности приведенных примеров, не менее вероятно и общепризнанное происхождение слова "варанг" из древнескандинавского "war", означавшего "клятву", "присягу", "обет" - первое, что требовалось от поступающего в общество "варангов" в Константинополе.[20] Само время возникновения этого слова в византийской и арабской письменности (30-е гг. XI века), следующее за появлением скандинавов среди императорских гвардейцев и наемников (первая четверть XI в.), с достаточной вероятностью позволяет говорить о скандинаво-греческом происхождении термина, который именно в таком эллинизированном виде был усвоен древнерусской письменностью и одновременно получил распространение в Балтийском регионе. Как совершенно верно заметил В.Г.Васильевский, "чтобы сделаться "варангом", мало было приехать в Грецию, а нужно было вступить в военную службу, или даже, по общепринятому воззрению, в число телохранителей императора".[21]

Такой логический ход, казалось бы, очевидный для каждого исследователя, тем не менее разбивался о совершенно несокрушимый

довод как сторонников норманского происхождения "варягов", так и их противников, а именно тот, который привел Гедеонов: упоминание "варягов-руси" в ПВЛ начинается с 862 года, т.е. задолго до установленной нами даты. По счастью, "несокрушимый" аргумент уничтожается тем фактом, что ПВЛ была написана не в IX или X веках, а в самом конце XI или начале XП века. Другими словами, ее автор (или авторы) при описании событий прошлого пользовались терминологией своего времени, дополняя старый термин "русь" поясняющим его "варяги", что для XI в. означало "гвардейцы" или "наемники", как то подозревал еще В.Г.Васильевский.[22]

Такой вывод подтверждается двумя наблюдениями: во-первых, полным исчезновением "варягов" после 1034 г. со страниц южнорусских летописей и, во-вторых, чрезвычайно любопытным наблюдением Васильевского, что в ряде сохранившихся византийских хрисовулов 1060-1075 г.г. среди франков, булгар, сарацин и колбягов выделены "варяги рос" - т.е. в той самой форме, какую дает наша легенда о "призвании князей".[23]

Мне представляется, что приведенные сопоставления с учетом всего опубликованного ранее материала безусловно склоняют чашу весов исторического анализа на сторону противников норманизма, оставляя тем истоки термина, но коренным образом переводя вопрос об "этнической природе варягов" в плоскость историко-социальную, о чем, кстати сказать, напоминал еще автор "легенды", подчеркивая, что "русь" - <u>такие</u> <u>же</u> "варяги", как шведы, норвежцы, англы и готы. Теперь, памятуя также и о славянском языке "руси", следовало бы заключить и об их славянском происхождении. Но почему тогда - "русь"?

Как известно, на тему происхождения названия русского народа и Русской земли написано столько же, сколько и по поводу "варягов". Не пытаясь оценить остроумие тех или иных гипотез, высказанных за четверть тысячелетия ведущейся полемики, приходится констатировать, что все они, за исключением той, на которой я остановлюсь, не отвечают новым условиям задачи. Как ни покажется странно, единственным, кто попытался решить этот вопрос, исходя непосредственно из летописного текста, был русский историк-эмигрант Н.Т.Беляев, заинтересовавшийся личностью

первого Рюрика и пытавшийся определить, к какому из возможных народов средневековой Северной Европы относится этноним "русь". Ответ оказался столь неожиданен, что большинством историков был воспринят лишь как курьез. Беляев показал, что в летописном перечне "варяжских" народов, по существу охватывающем весь англо-германский мир Северной Европы IX века, "русь" занимает место "забытых" летописцем фризов, живших на побережье Северного моря между Эльбой и Рейном – отважных мореходов, удачливых торговцев, прекрасных ремесленников, державших в своих руках основные торговые пути Северной и Центральной Европы: на восток по Балтике до Ладоги и Верхнего Поволжья, и на юг по Дунаю до Константинополя.

Опираясь на свидетельства письменных источников того времени и на работы филологов, он показал, что "русью" – собственно, "рос", в полном соответствии с написанием византийских документов – называли фризов из округа Рустринген на побережье Северного моря.[24] Колонии фризских купцов находились в Бирке, на Готланде, на Аландских островах и в городах славянского Поморья. Как показывают археологические находки, фризы вместе со славянами принимали участие в колонизации земель будущей Новгородской республики. И все же для того, чтобы понять, как этот небольшой, хотя и славный народ мог дать свое имя едва только зарождавшемуся на пространствах Восточной Европы нынешнему колоссу, необходимо следом за Н.Т.Беляевым обратиться к истории человека, в котором современные исследователи все чаще склонны видеть "нашего" Рюрика.

Речь идет о Рорике Ютландском – человеке, в котором профессор Юрьевского (ныне – Тартусского) университета Ф.Крузе еще в 30-х гг. прошлого века заподозрел летописного Рюрика.[25] Совпадения оказались более чем любопытны, однако недостаточно систематизированы, а потому гипотеза Ф.Крузе не получила должной оценки со стороны отечественных историков и была забыта, хотя первый и самый жесткий его оппонент, скандинавист А.А.Куник, в последних своих работах вынужден был полностью согласиться с выводами тартусского ученого.[26] А картина представлялась достаточно любопытной хотя бы потому, что в то время, в каком историки в хрониках и северных сагах тщетно искали какого-либо упоминания Рюрика с его "варягами", т.е. на протяжении второй и

третьей четверти IX века, европейские хронисты постоянно упоминают Рорика – маркграфа фризского, именовавшегося также "ютландским" или "датским", сына ютландского конунга Хальвдана.

Отсылая интересующихся к собственной работе Н.Т.Беляева, здесь я ограничиваюсь изложением только самых существенных ее положений и выводов.

Наследственные владения отца Рорика, происходившего из рода Скьольдунгов, занимали юг Ютландии и были населены данами, ваграми и вендами, известными также под именем славян-ободритов, т.е. проживавших по берегам реки Одры/Одера. Именно здесь, по землям Шлезвига, лежащим в основании Ютландского полуострова, где в наше время проложен Кильский канал, проходил один из важнейших торговых путей Европы – из Северного моря в Балтийское и далее, на восток. Главную роль на нем играли фризские купцы и мореходы.

В 80-х гг. УШ века Хальвдана из Ютландии изгнал конунг Гудрод из рода Инглингов, с которыми у Скьольдунгов были давние распри, так что отцу Рорика вместе с семьей, двором и дружиной пришлось искать убежища у императора франков Карла Великого. Тот радушно встретил знатного конунга и вскоре сделал его маркграфом только что завоеванной Фризии. В этом звании Хальвдану наследовали его сыновья – Харальд, Хемминг и Рорик, которых в 826 г. торжественно крестил в Ингельгейме на Рейне император Людовик I, сын Карла Великого. Факт этот отмечен многими хронистами Европы, ему посвящены даже поэмы, описывающие пышный церемониал и последовавшие затем празднества. Тогда же император подарил братьям в личное владение округ Рустринген во Фризии и обширные виноградники на Рейне.

Цветущая и богатая земля фризов, расположенная между Рейном и Везером, а по берегу моря доходившая до устья Эльбы, примыкала к славянским землям и была тем центром, откуда в Балтийское Поморье поступали разнообразные товары и ремесленные изделия Фландрии, Германии и Нидерландов. Фризский экспорт, как показали археологи, играл существенную роль в торговле таких славянских городов как Волин (Юмна), Колобжег, Ретра, Старград (Адлейгьюборг северных саг?), Мекленбург (Велиград) и другие. Изделия фризов находят на Готланде, в Норвегии и Швеции, на землях Восточной Прибалтики, в Финляндии, Старой Ладоге и на Верхней Волге.

Но уже к середине IX в. Фризия становится одним из излюбленных объектов набегов норманов, которые начали грабить и растаскивать империю франков, и без того раздираемую войнами между сыновьями Людовика. Последние привлекали на свою сторону викингов и даже разрешали своим вассалам и союзникам возвращаться в лоно язычества. Одним из таких "отпавших христиан" оказался и Рорик, родившийся, судя по всему, в 10-х гг. IX в.

На протяжении второй половины 20-х и всех 30-х гг. ему с братьями удалось вернуть наследственные земли в Ютландии и завоевать почти всю Данию. Затем счастье от них отвернулось. В одной из битв погиб Хемминг, очень скоро умер Харальд и оставшемуся в одиночестве Рорику, к которому перешел титул маркграфа фризского, пришлось одному отбивать ежегодные яростные атаки викингов на берега Фризии, прирейнские земли и земли славян-ободритов. Он показал себя смелым, умным, а главное - верным защитником границ империи, но когда сын Людовика I, Лотарь I, наследовавший корону франков, легкомысленно отобрал у Рорика в 843 г. Фризию, оскорбленный маркграф посчитал себя свободным от вассальной присяги и превратился в злейшего врага империи. Он заключил союз с прежними противниками и на протяжении последующих семи лет выступал на стороне норманов.

Набеги Рорика на свои бывшие земли, как установил Беляев, по времени совпадают с самыми ожесточенными нападениями викингов на Францию, Германию и Англию. Морские разбойники разорили все фризское побережье, в Англии были штурмом взяты Лондон и Кент, опустошена вся страна между устьем Темзы и Рочестером, грабежу были подвергнуты Гамбург и Париж, причем во всем этом непосредственное участие принимал сам Рорик. И хотя в северных сагах, повествующих об этих набегах, главными героями выступают такие конунги как Гастингс и Рагнар Лодброк со своими сыновьями, современные исследователи пришли к заключению, что подлинным вдохновителем этих экспедиций, центральной фигурой, рассчетливо готовившей и направлявшей удары, были не вожди северных викингов, а именно Рорик, добивавшийся возвращения отнятых у него земель.[27]

Мощь и слава этого некоронованного короля северных пиратов в короткое время столь возросла, что уже в 850 г. Лотарь вынужден был вернуть ему Фризию. И хотя четыре года спустя эта страна снова отошла к императору франков, можно полагать, что последнее произошло с согласия самого Рорика, получившего во

владение сначала обширные области славян-ободритов в Мекленбурге, а затем, в 857 г., и родовые земли в Шлезвиге. Как далеко на восток по славянскому Поморью простирались владения Рорика, сказать трудно. Возможно, они достигали устья Одера, откуда начинался знаменитый трансевропейский путь "из варяг в греки", и здесь покровительство фризского маркграфа было для славян надежным щитом от его бывших союзников, норвежских и шведских пиратов.

К этому времени Рорик был далеко не молод и, повидимому, все реже принимал личное участие в военных операциях. В анналах Фульденского монастыря, где он упоминается довольно часто, его имя всплывает еще дважды: под 870 годом, когда, претендуя на корону франков, Карл Лысый обратился за советом и помощью в первую очередь к Рорику, как к самому могущественному и уважаемому маркграфу империи, и под 873 годом, когда вместе со своим племянником Рорик посетил нового императора. Он был им торжественно принят и тогда же получил назад все свои фризские владения. Вероятно, вскоре после этого Рорик умер, поскольку в хрониках его имя бельше не встречается.

Естественно задать вопрос: что общего между маркграфом Фризии, чья жизнь и бурная деятельность прошли вдали от берегов Ладоги и Волхова, и нашим Рюриком, кроме отдаленного сходства имен? Но, во первых, как подтвердил Беляев мнение своих предшественников, здесь не сходство, а тождество имени весьма редкого,[28] во-вторых же, общего оказывается гораздо больше, чем можно предположить.

На первый взгляд, Рорик и Рюрик - всего лишь современники. Но если, опираясь на хронологию византийцев, внести необходимую шестилетнюю поправку в начальные даты русской летописи (исходя из тождества первого появления флота "росов" у стен Константинополя в 860 г. и набега на византийскую столицу Аскольда и Дира нашей летописи), то "призвание варягов" (856 г.) не на много разойдется с датой возвращения Рорика в земли поморских славян (857 г.), а время смерти того и другого совпадут (873 г.). Что же касается появления Рорика в Новгороде на Волхове, то Беляев полагал, что, вернувшись на земли предков, Рорик мог отправиться с фризскими купцами на восток, охраняя

их от пиратов, провести какое-то время в Старой Ладоге, а затем вернуться в Ютландию, оставив по себе на Руси добрую память "устроителя" новой колонии на Великом Восточном пути.[29] Примерно так, только почему-то умалчивая о Н.Т.Беляеве и называя Рорика "одним из мелких датских конунгов", рисуют эту картину и современные "норманисты",[30] считающие, что подобная экспедиция вполне могла пройти мимо внимания западных хронистов, но должна была остаться в памяти новгородских "словен", став основой новгородского летописного сказания.

В последнем Беляев (следуя А.А.Шахматову!) ошибался. Никаких следов специфически новгородской версии "призвания варягов" в раннем русском летописании мы не находим. До начала ХУП в. новгородские летописцы и составители сводов довольствовались киевской версией ПВЛ, хотя уже с ХУ в. в русской исторической литературе начинают проступать сведения каких-то западнославянских источников, прямо указывающие на славяно-датское происхождение Рюрика/Рорика. Первым таким намеком может служить появление имени "Гостомысла", открывающего список новгородских посадников в Комиссионном списке Новгородской Первой летописи, далеко отстоящего хронологически от следующих за ним имен исторически реальных лиц.[31] В последующем по времени "Послании" Спиридона-Саввы Гостомысл предстает уже как "воевода новгородский", советующий перед своей смертью "владальцам" Новгорода призвать из Прусской земли князя "от римска царя Августа рода", каким и явился Рюрик с братьями и племянником Олегом.[32] Факт этот сам по себе достаточно любопытный, потому что, как мы знаем, имена "Синеуса" и "Трувора" теперь читаются как "с домом и верной дружиной", или же, как то делал Н.Т.Беляев, "победоносный" и "верный", будучи эпитетами самого Рюрика. С другой стороны, указание на Олега, как на "племянника" Рюрика, сразу же заставляет вспомнить племянника Рорика, с которым он посетил Карла Лысого[33] и которому, повидимому, укрепил в завещании свои владения: во всяком случае, о наличии каких-либо прямых наследников Рорика хроники молчат.

Третьим, наиболее полным, законченным в своей композиционной цельности источником, раскрывающим западнославянское происхождение Рюрика, оказывается пресловутая "Иоакимова летопись",

частично изложенная В.Н.Татищевым. Здесь мы находим рассказ о князе Славене, который, уйдя из Иллирии на север, основал "Великий град", который назвал "Славенск". По прошествии многих поколений появились "варяги", которые наложили на Великий град "дань тяжку". Не стерпев, горожане послали к князю Буривою, потомку Славена, "испросиша у него сына Гостомысла, да княжит во Велице граде". Гостомысл изгнал варягов, установил мир и порядок, однако ему некому было наследовать, поскольку все его сыновья погибли в войнах, а дочери были выданы за соседних князей. Гостомысл обратился за советом к волхвам, и те обещали ему наследника по крови, чему он не поверил. Но однажды после полудня ему приснился сон, что из чрева его средней дочери Умилы выросло великое и плодовитое дерево, которое покрыло собою весь Великий град, а от его плодов насытились люди всей той земли. Встав ото сна, он призвал для толкования волхвов, и те заверили его, что его наследник произойдет именно от Умилы... Действительно, по смерти Гостомысла в Великий град был призван Рюрик "с братьями и родами их".[34]

Татищев и его читатели полагали, что "Великий град" означает Новгород на Волхове. Так Рюрик оказывался иноземцем только по отцу, а по матери - новгородцем. Приход же его в давно существовавший Новгород был как бы возвращением на родину предков и вполне отвечал странной, на первый взгляд, формуле призвания: "Иди и володей нами!"

"Иоакимову летопись" многие историки полагали сочинением самого В.Н.Татищева и считали таким же историческим подлогом, как и сказание Нестора. Думаю, что они не правы. В ней слишком много отрывков из каких-то подлинных документов (например, рассказ о крещении новгородцев, написанный от первого лица), хотя и относящихся к другим географическим пунктам, чем можно понять из контекста. По своему характеру она представляется мне схожей с новгородскими летописями XУII в., но в отличие от них ее автор (составитель) канву древнерусского текста расцвечивал не столько собственными домыслами и догадками, сколько материалом европейских хроник и древнесеверной литературы. Особенно это касается "сна Гостомысла", в котором подчеркивается мысль о преемственности княжеской власти в Новгороде (и в России) от

Гостомысла к Рюрику по женской линии.

Здесь мы сталкиваемся с весьма любопытной коллизией. С одной стороны, перед нами весьма изящно преподнесенный исторический прецедент, уместный в ХУП веке, когда шли переговоры о браке между Ириной, дочерью царя Михаила Федоровича от его второго брака, и датским принцем Христианом-Вольдемаром. Но он был еще более уместен в то время, когда В.Н.Татищев писал свою "Историю...", поскольку такая ситуация отвечала обстоятельствам воцарения в России Голштейн-Готторпской династии, происходившей, к слову сказать, из тех же областей Северной Германии, из которых был призван Рюрик. Однако, не все так просто и прямолинейно. Именно такое могучее и развесистое дерево, обещавшее славное и многочисленное потомство конунгов Норвегии, можно найти много раньше, в "Круге земном" Снорри Стурлусона - в саге о Хальвдане Черном, где ствол дерева подразумевает сына Рагнхильды, Харальда Прекрасноволосого (в сне Умилы, естественно, это Рюрик), а раскидистые ветви - его многочисленное потомство в Норвегии и сопредельных странах.[35]

Все сказанное можно было бы посчитать компиляцией эрудита ХУП века, если бы не следующее обстоятельство: имя Хальвдана Черного совпадает с именем Рорика ютландского, а имя Гостомысла оказывается принадлежащим князю-ободриту, упомянутому под 844 годом в Фульденских анналах. Там сообщается, что король баварский и восточнофранкский Хлодовик подавил "замышлявших измену" ободритов (т.е. вендов) и убил их князя Гостомысла.

Здесь есть над чем подумать. Усмирение ободритов и убийство их князя на следующий год после того, как у Рорика была отнята Фризия с Рустрингеном и он из верного слуги превратился в яростного противника франков, наводит на мысль, что Гостомысл именно тогда и выступил в его поддержку, ибо никаких других видимых причин "замышлять измену" у вендов не было. Гостомысл мог приходиться Рорику родственником по женской линии, поскольку у датских конунгов, тесно связанных с ободритами, и в последующем столетии заметно стремление брать в жены вендских принцесс. Так Харальд, сын Горма, был женат на Тови, дочери Мстивоя, князя ободритов, как об этом говорит воздвигнутый ею

великолепный рунический камень, а Свен Вилобородый, который возможно был их сыном, также женился на вендке, вдове шведского конунга Эрика Победоносного.[36]

Предположение о прямой связи исторического Гостомысла с Рориком может показаться смелым, но стоит вспомнить, что для автора "Иоакимовой летописи" такая связь представлялась несомненной; другими словами, Рюрик оказывался тождественен Рорику ютландскому и по каким-то фактам он считал его наполовину славянином и выходцем из тех самых земель, на которые и в действительности распространялась наследственная власть Рорика.

На чем базировалась его уверенность? Вероятно, в его руках были какие-то не дошедшие до нас хроники вендов, потомки которых еще в ХУП в. жили на землях своих предках в Померании и говорили на своем языке, а в конце ХУШ века - в окрестностях Копорья, называя себя "варягами". Об этом свидетельствует любопытный документ, по каким-то причинам выпавший из поля зрения историков. Речь идет о записке Екатерины П, адресованной одному из ее секретарей в 1784 г., когда императрица работала над составлением "Сравнительного словаря всех языков и наречий" и отовсюду требовала списки необходимых слов. Текст записки был опубликован в "Русском Архиве" в 1863 г., а позднее воспроизведен В.А.Бильбасовым в незаконченной изданием его "Истории Екатерины П". Вот он:

"Реестр слов отвезите к гр(афу) Кириле Григорьевичу Разумовскому и попросите его именем моим, чтобы он послал в своих копорских деревень кого поисправнее и приказал бы у тех мужиков, кои себя варягами называют, тех слов из их языка переписать, а еще луче буде бы суда человека другого посмысленнее для того привозить велел".[37]

Впрочем, о славянском происхождении Рорика свидетельствует, в первую очередь, его имя.

В наше время имя человека - всего лишь условное отличие, получаемое им при рождении в силу семейной традиции, привлекательности звучания или по другим, столь же незначительным причинам. Иным было отношение к имени в древности. Оно характеризовало человека, указывало на его происхождение, общественное положение, предопределяло его судьбу. Так было у скандинавов, славян и, практически, у всех народов до принятия ими христианст-

ва (а часто и много позже), когда, сообразуясь с теми или иными обстоятельствами, имя стали давать в память того или другого святого, полагая, что во время жизни тот будет опекать и направлять поступки и мысли новоокрещенного, а после смерти – предстательствовать за него на Страшном Суде.

Какое имя получил Рорик при крещении в Ингельгейме, хроники не сообщают. Оно интересовало только его духовника, потому что в обиходе оставалось прежнее "языческое" имя. Но в этом имени, писавшемся разными хронистами по-разному – Рорик, Ререк, Рорих, Роерик, Рериг, Хориг и т.п. – отчетливо проступает западнославянское (вендское) слово "ререг/рарог" – "сокол". Последнее чрезвычайно знаменательно, поскольку на пространстве земель, где проходила жизнь Рорика ютландского, только у одного народа сокол был священным племенным символом – у вендов, т.е. у славян-ободритов.

Венды были "соколиным народом". Их так и звали – "рарожане". Часто в северных сагах и западных хрониках вместо названия "ободриты", "бодричи", "народ вендов" или "войско вендов" употреблялось собирательное выражение – "вендский сокол" – отождествлявшее народ и войско со священным символом на военном штандарте. Больше того, столицей ободритов, в которой, кстати сказать, обитал и Гостомысл Фульденских анналов, был город, носивший несколько названий: у славян – "Велиград", т.е. "Великий город", у латинских хронистов – "Магнополис", что является калькой с предыдущего, у саксов – "Михелинбург" (откуда современный "Мекленбург"), у скандинавов – "Микилингард" и, наконец, у датчан – "Рерик", т.е. "Сокол",[38] город "соколиного народа", вендов. Другими словами, сведения "Иоакимовой летописи" о "Великом граде", где княжил Гостомысл и куда был приглашен Рюрик, вполне соответствуют действительности, но не имеют никакого отношения к Новгороду на Волхове.

Что же касается такого священного для славян имени, то вряд ли Рорик ютландский получил его случайно. Это имя носил и его дед по отцовской линии – "Рорик, метатель колец", что на поэтическом языке той эпохи означало "щедрый". Как и дед, Рорик ютландский был властителем вендов, был связан с ними (вероятно, по материнской линии) кровными узами, защищал их от

северных пиратов и в известной степени представлял этот народ, будучи сам "вендским соколом". Не потому ли он так и стремился освободить эти земли от власти Инглингов, отдавая взамен пожалованную ему Фризию? Можно полагать, что такой же привязанностью платили ему и его соплеменники, выступив на его стороне с Гостомыслом, а затем и "росы" - фризы Рустрингена, которых он набирал в свою дружину и чьи торговые караваны охранял, разделяя с ними полученную прибыль, как то было принято в его время. Он же был заинтересован в переселении фризов на славянские земли Мекленбурга и далее, на восток, когда участившиеся набеги северных викингов начали опустошать, а потом окончательно разорили некогда цветущую страну.

Возвращение Рорика сначала в Старгард, который ошибочно отождествляется со Старой Ладогой (впрочем, существует еще более фантастическое отождествление Алаборга саг с нынешним Олонцом), а затем и в Рерик-Мекленбург, который незадолго до того был разрушен викингами (не отсюда ли "Новгород"?), все отчетливее проясняют нам личность Рорика/Рюрика и те исторические обстоятельства, с ним связанные, которые отразились в сказании о "призвании варягов". Рорик действительно должен был придти в славянские земли с "русью" Рустрингена. Больше того, обращение к исторической географии славянского Поморья того времени выявляет там, кроме вновь отстроенного Мекленбурга, существование ряда "Новгородов", каждый из которых мог стать ареной описанных событий, послужив стимулом для древнерусского летописца заимствовать сюжет истории западных славян для отечественной династической легенды.

Здесь и обнаруживается "камень преткновения" норманистов и их противников, не осмелившихся предположить, что статья 6370 (862) года ПВЛ рассказывает не об историческом событии, а об историческом сюжете, заимствованном со стороны и адаптированном к новой историко-географической реальности. Последнее касается не только Рюрика. По всей видимости, многие события ПВЛ, связанные как с "Киевом", так и с "Новгородом", имеют стороннее происхождение для Киева на Днепре и для Новгорода на Волхове. На это, в первую очередь, указывает фантастический путь "из варяг в греки", проведенный летописцем по Днепру, Ловати и Волхову, тогда как подлинный путь шел по Висле (Одеру) и далее на юг по Дунаю - путь, которым из "Новгорода" (поморского) могли уйти на

юг летописные сподвижники Рорика/Рюрика, появившиеся в 860 г. с "росским" флотом под стенами Константинополя.[39]

Здесь мы подходим к вопросу, с неизбежностью встающему перед каждым исследователем древнерусской "княжеской легенды": каким образом Рорик/Рюрик, в действительности не ступавший на берега Волхова и вообще восточной Руси, мог оказаться родоначальником русских "рюриковичей", "вспомнивших" о своем происхождении почти через двести лет после его смерти? Каким образом и почему эта легенда сложилась в Киеве на Днепре, а уже потом была без возражений принята в Новгороде на Волхове? Последнее особенно странно, поскольку признание новгородцами легенды о призвании первого князя позволяло "рюриковичам" рассматривать исконно вечевую республику, приглашавшую и прогонявшую князей, как свою "дедину и отчину".

Первоочередную роль, на мой взгляд, здесь сыграли два пути славянской колонизации пространств Восточной Европы, что привело к образованию двух совершенно различных государственных образований древней Руси - Новгородской торгово-вечевой республики на севере и "государства Рюриковичей" с центром в Киеве на Днепре - на юге.

Заселение будущих новгородских земель и формирование на них единой административной системы шло из земель западных славян при активном участии торговых городов, привыкших рассматривать князя с его "варягами" всего лишь как исполнительный придаток власти. Новгородская вечевая республика складывалась и развивалась по образцу западнославянских, а затем северогерманских вольных городов. Такие города-республики, жившие торговлей, освоением новых земель и новых рынков, были равнодушны к прошлому, оно их не интересовало, потому что сами они жили будущим. Наверняка в среде их жителей циркулировало множество историй, сказаний, легенд, но для новгородцев X-XI вв. они не представляли самодовлеющей ценности, потому что не несли "служебной", активной информации. Не случайно и новгородские летописи возникли позднее южнорусских и по их образцу - сокращая ПВЛ и "пристраиваясь" к ней в дальнейшем...

Совсем иначе обстояло дело на юге России.

Из тех же западнославянских земель на юг, по Одеру и Висле,

затем по Дунаю - маршруту, "обкатанному" тысячелетиями и хорошо освоенному фризами, в IX в. двигались искатели приключений: ватаги "джентльменов удачи", младшие отпрыски княжеских дворов со своими дружинами, беженцы от викингов, да и сами викинги, разведывавшие путь к сказочному Миклагарду - "Срединному городу", как называли они Константинополь. Здесь были венды-ободриты, лютичи, вагры, даны, саксы, англы и, конечно же, фризы, - "народ рос", столь хорошо известный на этом маршруте, что в 839 г. именно "росами" прикинулись, как известно, шведские викинги, пришедшие от византийского императора Феофила в Ингельгейм к императору франков, Людовику I Благочестивому, о чем сообщает запись Бертинских анналов. Естественно, Людовику ничего не стоило обнаружить их самозванство, потому что настоящие "росы" как никак были его подданными...[40] Для византийцев же, не любивших разбираться в племенных отличиях североевропейских "варваров", все они были тогда "фрягами" (т.е. франками), выходцами из Европы, а для отличия от подлинных, западноевропейских "фрягов", покрывались обобщающим именем "народа рос" - по фризам, с которыми чаще всего смешивали вендов. Последнее как нельзя лучше подтверждается именами "росов", сохраненными договорами "руси" с греками в составе ПВЛ, поскольку лишь малая часть этих имен (да и то с натяжкой) может быть возведена к гипотетическим "скандинавским прототипам".

Во второй половине IX в. колонии "росов" появляются в Нижнем Подунавье, на побережье Крыма и на Тамани. Во всех этих местах мигранты со славянского севера, в среде которых уже находились представители военной и феодальной аристократии ("светлые князья" договоров), оказались в окружении высоко развитых феодальных государств, что способствовало ускоренному развитию их собственных социальных структур и феодальных институтов, в которых князь являлся непосредственным средоточием власти.

Здесь династические легенды и предания играли совсем иную, структурирующую роль, чем на землях Великого Новгорода. Как и на скандинавском севере, здесь с особым вниманием относились к родословиям, проверяли и выверяли генеалогии, а владельческие знаки (тамги) постепенно приобретали значение родовых знаков (гербов). Поскольку среди фризов и вен[illegible] были современники и

сподвижники Рорика ютландского, то рассказы о нем, о его подвигах, об освобождении им вендов от северных викингов безусловно циркулировали в этой среде. И все же у нас пока нет никаких оснований видеть в первых "росских" князьях (Олеге, Игоре, Святославе) прямых потомков Рорика. Более того, как я показал выше, на такую честь не претендовал даже Владимир I Святославич, довольствовавшийся упоминанием деда, Игоря "Старого".

Что произошло в середине XI века, вызвав интерес к Рорику/Рюрику и к созданию династической легенды? Об этом пока можно лишь гадать. Замечу только, что именно в это время на "малых" сребрениках Ярослава I Владимировича вместо классического "трезубца" Владимира I или его модификаций появляется схематическое изображение падающего вниз сокола-"ререга", а прежние "ререговичи" оказываются "рюриковичами".

Появление этих монет, как и "больших" сребреников Ярослава, резко выпадающих из типа остальных монет киевского региона Русского государства и, более того, обнаруженных исключительно на берегах Балтики,[41] представляет одну из крупнейших загадок истории. Однако, уже возможность установления прямой связи между "вендским соколом" и "знаком Рюриковичей" свидетельствует о существовании в глубинах родовой памяти этих последних каких-то связей с династиями вендских (ободритских) князей. Не здесь ли следует искать и истоки традиционного уподобления князей - соколам в "Слове о полку Игореве" и последующей устойчивой эквивалентности двух этих понятий ("сокол ясный" - "князь светлый") в русском фольклоре? Одновременное возрождение этого древнего символа ("сокол/ререг") на берегах Балтики и в южной России в середине XI века могло быть вызвано, с одной стороны, установлением каких-то более тесных связей между этими двумя славянскими регионами, а с другой - ростом национального самосознания, обусловленного в землях западных славян усилившимся католическим и тевтонским наступлением, тогда как в поднепровье этот интерес был связан с организацией государственного аппарата и утверждением великокняжеской символики Ярославом I.

Князь, обустроивший Киев, в долгих спорах с Константинопо-

лем добившийся утверждения киевской митрополии (вместо епископии), стремившийся к возможно большему авторитету княжеской власти, особо заботившийся о просвещении, не мог оставить без внимания символику и генеалогию своего рода и постарался связать их с одной из наиболее ярких фигур предшествующих веков, отмеченных историей славянских земель на Западе. Это оказалось тем более удобно, что Рорик/Рюрик не оставил прямых наследников, которые могли бы оспаривать подобную "прививку" княжеской ветви восточных славян на родовое дерево Скьольдунгов, чьи корни и без того глубоко уходили в славянскую почву.

Судя по результатам, операция прошла успешно, откликнувшись новым Рюриком, племянником Ярослава Владимировича, в Тьмутороканe, там, где предполагается родовое гнездо "черноморской руси" (впрочем, занятие в дальнейшем Рюриком Ростиславичем престола в Перемышле позволяет думать, что Тьмутороканское княжество располагалось не на Таманском полуострове, как это привыкли считать, а на Нижнем Дунае в районе современного Тутракана). Так прежние "ререговичи" превратились в "рюриковичей", поскольку, пройдя через югославянские области, имя основателя династии приобрело мягкость звучания. Чуть позднее, записанное Нестором и включенное в ПВЛ, т.е. получив статус государственного документа, сказание о "призвании варягов" попало в первой половине XII века в Новгород на Волхове, где нашло подтверждение в припоминаниях другой ветви переселенцев из славянского Поморья, уже к тому времени прямо именовавших себя "варягами", и таким образом легло краеугольным камнем в основание русской официальной истории, к которой, собственно говоря, имело весьма слабое отношение.

Примечания

1. Напр.: Баскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.-Л.,1965; Исторические связи Скандинавии и России IX-XX вв. Л., 1970; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.,1982; Ловмянский Х. Русь и норманны. М.,1985; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.,1985; Славяне и скандинавы. М.,1986 и др.
2. Из других носителей этого имени в домонгольское время из-

вестны: I) Рюрик Ростиславич (до II57-I2I2), сын Ростислава Мстиславича, и 2) Рюрик Ольгович (до II7I-I204), сын князя Олега Святославича.

3. Молдован А.М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, I984, с.9I.
4. Список ГИМ, собр. Синодальное, № 790; список ГИМ, собр. Музейское, № 2060; список ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/I086, в кн.: "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла. М.-Л.,I966. Приложение: тексты "Задонщины".
5. В кн.: Дмитриева Р.П. Сказание о князьях Владимирских. М.-Л., I955. Тексты, с.I62 и сл.
6. См. Никитин А.Л. По следам апостола Андрея. "Наука и религия", I990, № 9-I2; его же: "Хождение" апостола Андрея и "путь из варяг в греки". В кн.: Герменевтика древнерусской литературы, вып. 6, М., I994 (в печати).
7. "...и от техъ варягъ прозвася Руская земля; новугородьци ти суть людье нооугородьци от рода варяжьска". ПСРЛ, т.I, Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е, Л.,I926, стб.20.
8. Гедеонов С. Варяги и Русь. ч.I, СПб, I876, с.I92.
9. Новгородская Первая летопись (далее - НПЛ) старшего и младшего изводов. М.-Л.,I950, с.90, 329.
10. Там же, с.229-230.
11. Там же, с.240.
12. Там же, с.29, 37, 57, 93.
13. Там же, с.37.
14. Там же, с.57.
15. Кузьмин А.Г. "Варяги" и "русь" на Балтийском море. ВИ, I970, № I0, с.28-55; он же: Об этнической природе варягов. ВИ, I974, № II, с.54-83.
16. Гедеонов С. Отрывки из исследований о варяжском вопросе. XШ-XУ. Приложение ко II тому Записок Имп. АН, № 3, СПб, I862, с.I3I-I68; он же: Варяги и Русь, ч.I, с.I59-I82.
17. Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. В кн.: Васильевский В.Г. Труды. т.I, СПб, I908, с.I76-377.
18. Гедеонов С. Варяги и Русь, ч.I, с.I57.
19. Там же, с.I7I.

20. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. т.I, (А-Д), М.,1964, с.276: "варяг".
21. Васильевский В.Г. Указ. соч., с.185.
22. Там же, с.220.Ср. Кузьмин А.Г. "Варяги" и "русь"..., с.33-34. Любопытно мнение Первольфа, что у западных славян слово "варяг" должно было звучать как византийское "варанг" (там же).
23. Васильевский В.Г. Указ. соч., с.348-349. Стоит отметить, что в славянорусском переводе хроники Георгия Амартола этот термин используется один только раз под 860 г., где выражение "от рода Варяжского" является заменой первоначального "народ Франгов", тогда как сам перевод, по определению В.М.Истрина, сделан в середине XI века (Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. т.I, Пг.,1920, с.567; т.II, Пг.,1922, с.309). Что же касается упоминания в Ипатьевской летописи под 6656 (1148) годом "варягов", от которых Ростислав в Смоленске передал дары Изяславу ("что от Верхних земель и от варяг"), то здесь, безусловно, речь идет о тех же "варягах"-торговцах, которые были выше отмечены в Новгороде в это и последующее время. Характерно, что смоленские грамоты XIII-XIУ вв. их уже не знают.
24. Беляев Н. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи. Seminarium Kondakovianum, t. III, Prague, 1929, c.246-251. Весьма показательна в этом плане постоянная путаница в северных сагах Фризии (Fryseland), Руси (?) (Ryseland) и "страны великанов" (Riesenland) (см. Тиандер К. Поездки скандинавов на Белое море. СПб, 1906), заставляющая полагать, что последние два названия не самостоятельны, а являются искажением первоначально фигурировавшей в контексте Фризии.
25. Крузе Ф. I) О происхождении Рюрика (преимущественно по французским и немецким летописям). ЖМНП,1836, январь, с.43-73; 2) О первом вторжении южных горланцев в Россию. ЖМНП, 1836, июнь, с.513-517; 3) О пределах Нормандии и названии норманнов и русских. ЖМНП, 1839, январь, с.13-177; 4) Об отношениях руссов, вторгшихся в 844 году в Испанию и опустошивших Севилью, и о связи их с Россией. ЖМНП, 1839,

февраль, с.159-170; 5) Русь в Германии до переселения народов или вскоре после того. ЖМНП, 1842, март, с.180-183 и др.

26. Беляев Н. Указ. соч., с.239.
27. Там же, с.238-239.
28. Там же, с.241-245.
29. Там же, с.236.
30. Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (Русско-скандинавские отношения домонгольского времени). В кн.: Славяне и скандинавы. М.,1986, с.193-194. К сожалению, и единственная современная работа, посвященная разбору гипотезы Н.Т.Беляева-Ф.Крузе, принадлежащая перу Г.Ловмянского, написана откровенно тенденциозно, что подчеркивает сам автор: "...Вопрос о тождественности Рорика-Рюрика и до сего времени остается открытым в литературе. Мы прошли мимо него в своих замечаниях о роли норманов на Руси. Однако следует взвесить, было ли это правильным, поскольку одностороннее решение вопроса в пользу тождественности Рорика-Рюрика, не подвергнутое критике, будет находить искренних, но, как нам думается, преждевременных сторонников. В случае правильности этой концепции Рюрик, упоминаемый летописями, превратился бы в конкретную историческую личность, а тылы норманской экспансии на Русь оказались бы в определенной мере расширенными и усиленными..." (Ловмянский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский. "Скандинавский сборник", вып. 7, Таллин, 1963, с.227-228). Надо ли говорить о ценности <u>такой</u> критики?
31. НПЛ, с.164.
32. Дмитриева Р.П. Указ. соч., с.162.
33. Беляев Н. Указ. соч., с.269.
34. Татищев В.Н. История Российская. т.I, М.-Л., 1962, с.108-110.
35. Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980, с.40-41.
36. Клиндт-Енсен О. Рунические камни - зеркало социальных отношений. В кн.: Славяне и скандинавы..., с.129.
37. Бильбасов В.А. История Екатерины II. т.XII, ч.I, Берлин, б/г., с.437.
38. Й.Херрман совершенно напрасно связывает это имя с др.-исландским "reyrr" - "тростник", превращая "рарожан"-ободритов

в "камышников" (см. Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне. В кн.: Славяне и скандинавы..., с.338 и сл.).

39. Составители европейских хроник, в особенности же авторы жизнеописаний средневековья, заимствовали из других сочинений сюжеты и целые новеллы, перенося действие, например, как в "Житии св. Ансгария", на которое ссылаются все исследователи славяно-скандинавских отношений, с берегов Средиземного моря на берега Балтики. Таков рассказ о нападении шведских викингов на два города куршей (!), "Зееборг" и "Апулию", хотя последнее название и содержание отрывка могло бы навести на мысль, что речь идет о военных действиях норманов в южной Италии XI в. Как это интерпретируется, см., напр., Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977, с.106, или Ловмянский Х. Русь и норманы. М., 1985, с.117.

40. Памятники истории Киевского государства IX-XII вв. Л., 1936, с.23-24.

41. Подробнее см.: Никитин А.Л. Первый Рюрик - миф или реальность? "Наука и религия", 1991, № 4, с.34-39. Все находки сребреников Ярослава в отличие от монет других древнерусских князей, встреченных почти исключительно в Поднепровье вокруг Киева, приходятся с берегов Балтики, причем именно из районов славянского Поморья (см. Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетий древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X-XI веков. Л., 1983, карты распространения находок по типам монет).